

Оглавление

Предисловие. Всё ещё кровоточит	7
1. Достоевский. Становление	15
2. Отступление	53
3. Трудная жизнь	59
4. Пушкин	65
5. Все невероятно усложняется	92
6. Приговор	139
7. Ссылка	159
8. Новые романы	177
9. Толстой и Достоевский	196
10. Писать, чтобы жить	204
11. Преступление и наказание	241
12. Идиот	277
13. Иерусалим	304
Послесловие	333
Библиография	337

Случилось как-то, что в 1849 году Фёдор Михайлович прожил у меня на квартире несколько дней и в эти дни, когда он ложился спать, всякий раз просил меня, что если с ним случится летаргия, то чтобы не хоронили его ранее трех суток. Мысль о возможности летаргии всегда его беспокоила и страшила.

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРУТОВСКИЙ

Предисловие

Всё ещё кровоточит

1. Есть ли смысл?

Есть ли смысл сегодня, в 2021 году, читать Достоевского?

Зачем нашим современникам, которым двадцать, тридцать, сорок или семьдесят лет, читать и перечитывать его книги?

Еще тот вопрос.

Но мне нетрудно на него ответить.

Правду говоря, я просто не знаю.

Со мной так бывает почти всегда: какой бы вопрос мне ни задали, сначала я отвечаю: «Не знаю». Но иногда на этом не останавливаюсь.

Вот и сейчас, если бы меня спросили, зачем сегодня, в 2021 году, читать и перечитывать Достоевского, я сказал бы, что не знаю.

Но на этом не остановился бы.

И рассказал бы о Свидригайлове, второстепенном персонаже романа «Преступление и наказание», который в одной из сцен рассуждает о том, что нет ничего труднее прямодушия и ничего легче лести.

И «если в прямодушии только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас диссонанс, а за ним — скандал. Если же в лести даже все до последней нотки фальшивое, то и тогда она приятна

и слушается не без удовольствия; хотя бы и с грубым удовольствием, но все-таки с удовольствием», — говорит Свидригайлов.

Перечитав эту страницу, я вспомнил об одном итальянском писателе, с которым мы были в приятельских отношениях, пока я не написал рецензию на один из его романов; так вот этот писатель, когда мы с ним еще общались, рассказывал, что в его доме работал неграмотный консьерж, не умевший ни читать, ни писать, но, когда у писателя выходил очередной роман, консьерж обязательно останавливал его и говорил: «Синьор, ваш последний роман! Это потрясающе!»

И что же? Этот писатель, человек очень умный и тонкий, я бы даже сказал, нравственно безупречный, прекрасно зная, что консьерж и читать-то не умеет, при этих словах просто таял от удовольствия.

Это было отличное начало дня.

Если подытожить, я не могу сказать, зачем читать Достоевского, но точно знаю, что, независимо от того, читаем мы его или нет, в своих произведениях еще задолго до нашего рождения Достоевский показал, какие мы на самом деле. И еще я помню — не знаю, хорошо это или плохо, — что произошло со мной, когда я начал читать его книги.

2. Не знаю, так ли это

Говорят, чем ближе к старости, тем стремительнее человек впадает в детство. Не знаю, так ли это, но я в последние годы (а мне уже пятьдесят шесть, а когда я закончу эту книгу, будет пятьдесят семь) стал замечать за собой, что всегда пытаюсь разобраться, почему я делаю то, что делаю.

Я ничего не делаю просто так, не задумываясь; берясь за что-то, я обязательно спрашиваю себя: «Почему я должен это сделать?»

Точно так же дети, услышав, что пора идти спать, задают вопрос: «А почему пора идти спать?»

Вы говорите им, что полезно есть овощи, а они спрашивают: «А почему полезно есть овощи?»

А стоит сказать, что нельзя так много смотреть телевизор, они тут же спросят: «А почему нельзя так много смотреть телевизор?»

Вот и я в последние годы замечаю это за собой.

Несколько лет назад я задался вопросом, как так вышло, что всю жизнь я читал в основном русскую литературу.

«Почему так?» — задумался я.

И вспомнил первую книгу русского автора, которую прочитал, — «Преступление и наказание» Достоевского.

3. Место

«Преступление и наказание» я прочитал, когда мне было лет пятнадцать, и, хотя с тех пор прошел уже сорок один год, я хорошо помню тот момент, когда понял, что за книгу держу в руках: помню комнату, где это случилось, — свою маленькую комнатку на верхнем этаже нашего загородного дома; помню, как стал осматриваться по сторонам; помню, в котором часу это было; помню, как был ошарашен тем, что со мной происходит, и как в голове пронеслось: «Это со мной?»

Как и другим книгам, оставившим в моей жизни неизгладимый след, этому роману удавалось преобразовать даже самые обыденные моменты, из мириад

которых состоял мой земной путь длиной в пятьдесят шесть лет, и превращать их в незабываемые мгновения — когда я напряженно осознавал свое существование, когда ощущал, как кровь бежит по венам.

4. Почему?

«Всадник в пустыне, с одним колчаном *стрел*», — так описывал Достоевского русский писатель Василий Розанов. — «И капает кровь, куда попадает его *стрела*».

Когда я, пятнадцатилетний, понял, что имел в виду Достоевский в той сцене «Преступления и наказания», где Раскольников, главный герой романа, спрашивает себя, вошь он или Наполеон, первый мой порыв был задать себе такой же вопрос: кто я — вошь или Наполеон?

И я прекрасно помню возникшее у меня ощущение, что книга, которую я читаю, — роман, изданный сто двенадцать лет назад за три тысячи километров от моего дома, — вскрыл во мне какую-то рану, которая еще не скоро затянется. И я оказался прав. Она по-прежнему кровоточит. Но почему?

5. Эта книга

Книга, которую вы держите в руках, рассказывая о невероятной жизни Фёдора Михайловича Достоевского, инженера не по призванию, переводчика, терпевшего унижения от издателей; рано заявившего о себе гения русской литературы, «нового Гоголя» — лучшего, чем Гоголь; ставшего на революционный

путь и потерпевшего полное фиаско; приговоренного к смертной казни, но помилованного и сосланного в Сибирь искупать вину, через десять лет вновь вернувшегося в столичный Петербург и создававшего миф об этом городе, «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре», по знаменитому определению «человека из подполья»; неудачливого азартного игрока, нищенствующего писателя, ставшего жертвой нечистоплотных издателей; страстно влюбившегося в стенографистку на двадцать пять лет моложе и женившегося на ней; требовательного к себе отца, писавшего другу: «Заводите детей! Нет большего счастья на свете!»; блаженного безумца, доверявшего бумаге вопросы, которые мы все себе задаем, но не осмеливаемся никому в этом признаться; нескладного человека с невыразительной внешностью, залысынами и сутулой фигурой, уже в молодости казавшегося стариком; болезненного, застенчивого, непоследовательного, страдающего, странного и так похожего на нас; человека, который покинул этот мир на вершине успеха, — рассказывая историю его необыкновенной жизни, эта книга, задуманная как роман, всего лишь пытается ответить на вопрос: почему?

Почему рана все еще кровоточит?

6. Зачем все это?

Разумеется, меня могут спросить: «Неужели тебе нравится истекать кровью?»

В каком-то смысле да.

Попробую объяснить. Нам выпало жить в такое время, которое ценит, как мне кажется, только победы и победителей; в котором причастие настоящего

времени «проигрывающий» не описывает положение вещей в данный момент, а используется, чтобы унижить; в котором, когда вас спрашивают, как дела (а спрашивают постоянно), вы должны отвечать: «Отлично!» с восклицательным знаком; в котором вам приходится скрывать душевную боль и неприятности, как будто не они составляют вашу суть.

В коммуне Сенеге на Сардинии ежегодно проходит фестиваль поэзии, и на четыре дня Сенеге превращается в территорию поэзии, где все стены увешаны цитатами из стихотворений разных авторов, — например такими строками Виславы Шимборской¹: «Предпочитаю смехотворность писания стихов смехотворности их неписания». В последний раз я был там в 2016 году, и первое, что мне вспомнилось, когда я туда приехал, это фраза из письма Чезаре Дзаваттини² 1967 года, адресованного Франко Марии Риччи³: «Я пессимист, но все время забываю об этом».

Мне казалось, что в Сенеге, в царившей там обстановке невозможно быть пессимистом, и на память пришла история о том, как Анджело Мария Рипеллино⁴, проходя лечение в санатории в Чешской Республике, называл себя и других пациентов «вопрекистами».

---

¹ *Wisława Szymborska* (пол.; 1923–2012) — польская поэтесса, эссеистка, переводчица, лауреат Нобелевское премии по литературе.

² *Cezare Zavattini* (ит.; 1902–1989) — итальянский сценарист, прозаик, кинорежиссер, продюсер.

³ *Franco Maria Ricci* (ит.; 1937–2020) — итальянский графический дизайнер, издатель и коллекционер, создатель самого большого бамбукового лабиринта в мире.

⁴ *Angelo Maria Ripellino* (ит.; 1923–1978) — итальянский литературовед, переводчик (русист), поэт.

«Наречие, — писал Рипеллино, — становится существительным, чтобы дать имена всем нам, помеченным лишь цифрами, — нескладным, подтоптаным, согбленным под порывами ветра, но упрямо противостоящим бесстыдству зла».

Прекрасно сказано, Рипеллино.

Я думаю, что литература, живопись и музыка помогают тем, кто читает книги, ходит на выставки и слушает симфонии, справляться с этой трудной и странной задачей — всегда оставаться «вопреки-стами», не закрывать глаза на свою душевную боль и свои недостатки, а принимать их; как поет один канадский исполнитель, трещины есть по всем, и сквозь них проникает свет.

Такое состояние «вопрекизма», полагаю известное каждому из нас, возникает не только тогда, когда в жизни начинается серьезная полоса, например, когда вы проходите лечение в чешском санатории; мне кажется, оно проникает и в повседневную жизнь, по крайней мере в мою: это происходит, когда я переживаю чувство, которому нет названия, а если даже и есть, то я его не знаю.

Впервые я испытал это чувство, когда отправился на вокзал встречать девушку, которая в первый раз приехала ко мне в гости. Я жил тогда в Парме, девушка мне очень нравилась, и, пока я шел на вокзал, в голове вертелось: «Зачем ты туда идешь, чем ты только думаешь? Поворачивай назад, возвращайся домой».

Это было нечто среднее между стыдливым смущением и замешательством — назовем это смущательством, хотя название и нелучшее; в общем, меня одолевало смущательство. Прошло уже двадцать лет, эта девушка стала матерью моей дочери, но чувство смущательства никуда не делось. Напри-

мер, собираясь в Россию, я каждый раз спрашиваю себя: «Что ты себе надумал? Куда ты собрался? Возвращайся назад, — звучит у меня в голове, — лучше оставайся дома». Но это меня не останавливает, и, к моему удивлению, вопреки смущательству я все равно решаюсь на поездку.

Так было и на этот раз. Когда я взялся за книгу о жизни Достоевского, в голове сразу пронеслось: «Что ты творишь, о чем ты будешь писать, чем ты вообще думаешь? Бросай, пока не поздно!» Но меня это не остановило, и я не бросил.

7. Вот зачем все это

В январе 2020 года, уже приступив к работе над этим романом, я принял участие в обсуждении очередного номера журнала *Qualcosa* («Кое-что»).

Темой номера были романтические истории с плохим концом, можно сказать любовные катастрофы.

В тот вечер все собравшиеся, а нас было человек двадцать, перебирали в памяти такие моменты своей жизни, вспоминали, как были, образно говоря, больны от любви, как проживали дни, наполненные болью, когда было настолько плохо, что казалось, хуже еще никогда не было и никогда не будет. И, оглядываясь назад спустя годы, каждый из нас в тот вечер думал: «Как же плохо мне тогда было! И как здорово снова вернуться к жизни!»

Вот что я хотел сказать.